

Г. А. Кошеленко

ПОЛИС И ГОРОД: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В СОВРЕМЕННОЙ науке общепринятым является мнение, что основной формой организации общества в античную эпоху был полис. При этом полис определяется как город-государство или государство-город (city-state, Stadtstaat). На неправомочность подобного понимания полиса уже указывалось как в советской¹, так и в зарубежной науке². Однако нам представляется, что взаимоотношение этих двух явлений должно быть исследовано более подробно.

Отметим, прежде всего, что при таком определении полиса на первый план выдвигаются две (и далеко не самые важные) особенности данного социального организма: сравнительно небольшие размеры территории и объединение ее вокруг одного городского центра. Первая особенность не является определяющей, а только своего рода производной от более важных сущностных характеристик полиса (см. ниже), вторая же просто не верна. Это доказывается примерами двух самых известных полисов Греции. В Аттике, например, был не один, а два городских центра (Афины и Пирей)³, в Спарте же вообще не было городского центра, и она представляла собой объединение пяти деревень⁴. Вообще, в Греции были достаточно широко распространены политические образования, не имевшие собственных городских центров, но воспринимавшиеся и самими их гражданами и остальными эллинами как полисы⁵.

¹ С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 7.

² M. I. Finley, The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond, «Comparative Studies in Society and History», vol. 19, № 3, 1977, стр. 306; Ch. G. Starr, The Economic and Social Growth of Early Greece, 800—500 B. C., N. Y., 1977, стр. 31.

³ E. Will, Le monde grec et l'Orient, t. I. La Ve siècle (510—403), P., 1972, стр. 417.

⁴ В. Эренберг (V. Ehrenberg), The Greek State, 2nd ed., L., 1969, стр. 28) называет Спарту «псевдо-городом».

⁵ См., например, Thuc., I, 5, 1 или постоянно упоминаемое в этой связи место из Павсания (X, 4): «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский город Панопей, если его вообще можно назвать городом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимназия, ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области с соседями и на всефокийское собрание они также посылают своих представителей (синедров)». Относительно племенных политических образований, лишенных городских центров, но обладавших полисным статусом, см. F. Roy, Tribalism in the Southwestern Arcadia in the Classical Period, Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae, t. XX, 1972, fasc. 1—2, стр. 43 слл. О полисах, «не имевших в качестве центра подлинной городской аггломерации», см. Will, Le monde..., стр. 417 сл. См. также C. B. Welles, The Greek City, в кн.: Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni, v. I, Milano, 1956, стр. 81 слл.

Мы можем поставить вопрос, прежде всего, таким образом: что такое полис и что такое город, с тем, чтобы потом перейти к выяснению взаимоотношений между ними.

Хотя в советской историографии еще нет исчерпывающего исследования, посвященного полису, все же имеется несколько работ, в которых с той или иной степенью полноты изучается как сама сущность полиса, так и отдельные аспекты этого явления⁶. Это позволяет нам ограничиться только очень кратким очерком, опираясь на результаты предшествующих исследований. В соответствии с общим подходом советской науки к этой проблеме, нам кажется правильным при выяснении сущности полиса опираться на те его определения, которые были сделаны самими древними. Для греческих авторов, писавших о полисе, он представляет прежде всего определенный коллектив, определенным образом организованную общность людей (см., например, Herod., VIII, 61; Thuc., VII, 77,7)⁷. При этом в наиболее развернутых определениях (например у Аристотеля) учитываются следующие факторы: форма этой общности (ее отличие от других типологических форм), цель ее (также в отличие от других форм человеческих общностей) и «качество» человеческого материала, индивидов, из которых создается данная форма человеческого сообщества⁸.

Иными формами человеческих сообществ, по Аристотелю, являются: домохозяйство (*οἰκία*), деревня (*κῆρη*), племя (*ἔθνος*), которые исторически и типологически предшествуют полису, представляя более ранние ступени в развитии того процесса, конечным результатом которого стало создание полиса.

Цель существования подобных форм заключается в обеспечении человеческого существования в наиболее простом, почти чисто физическом смысле этого слова. Цель же полиса (наивысшей формы человеческих сообществ) — обеспечение «наивысшего блага», т. е. создание условий существования «полита», т. е. человека в наивысшем значении этого слова, раскрытие его внутренних потенций.

Наконец, в полис могут быть объединены только люди, обладающие определенными качествами, основное из которых — свобода. При этом свобода понималась как качество, органически присущее эллинам в отличие от варваров.

Подход античных авторов более правилен, чем многие современные определения. Греческие писатели исходят из определяющей посылки: полис — прежде всего коллектив граждан. Развитием этой древней концепции в современной литературе является определение полиса как гражданской общины⁹. Но при этом возникает вопрос: в чем же специ-

⁶ Ю. В. Андреев, Раннегреческий полис, Л., 1976; В. Д. Блаватский, Античный город, в кн. «Античный город», М., 1963; Л. М. Глускина, О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса, ВДИ, 1973, № 2; О. В. Кудрявцев, Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э., М., 1954; Л. П. Маринович, Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса, М., 1975; Утченко, Кризис...; Е. М. Штаерман, Эволюция античной формы собственности и античного города ВВ, т. 34, 1973.

⁷ См. также Herenberg, The Greek State..., стр. 88; Cl. Mossé, La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J. C., P., 1962, стр. 23. В теории греки даже допускали существование полиса в «чистом виде», просто как коллектива граждан без принадлежащей ему территории, хотя, правда, только в исключительных случаях. См. Will, Le monde..., стр. 189, 288, 416.

⁸ Подробнее см. А. И. Доватур, Политика и политии Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 7 сл.

⁹ См., например, классическое определение Фавра (Ch. Faivre, Thesaurus verborum quae in titulis Ionicis leguntur cum Herodoto sermone comparatus, Berolini, 1914, стр. 335): Πόλις vox non semper urbem vel oppidum, sed etiam rem publicam vel civitatem vel interdum ipsos cives significat.

фика именно гражданской общины, в чем ее отличие от других типов общин (родовой, семейной, территориальной и т. д.).

Найти ответ на него поможет выяснение отношений собственности, на которых основывалась античная гражданская община. Бесспорно, что своеобразие античной гражданской общины определялось своеобразием античной формы собственности, характерные черты которой были глубоко вскрыты К. Марксом. Основная особенность ее заключается в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме: как собственность государственная и как собственность частная: «У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой форме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме»¹⁰.

Именно этим объясняется кардинальнейшая особенность античного полиса: совпадение (в принципе) политического коллектива с коллективом земельных собственников, взаимообусловленность гражданского статуса и права собственности на землю¹¹ «Относясь к своей частной собственности как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины...»¹². Эта взаимная связь права гражданства с собственностью находит свое выражение в принципе верховной собственности всего гражданского коллектива на землю. Все группы населения, не имеющие гражданских прав, отстраняются от права собственности на землю. В то же время в ряде полисов мы встречаем и обратную зависимость: утрата (в силу тех или иных причин) своего участка земли ведет к утрате (полной или частичной) гражданских прав¹³. Кроме того, известны политические системы древней Греции, в которых очень отчетливо выражена прямая зависимость объема политических прав (и военных обязанностей) от величины земельного надела. Такой характер, например, носила Солонова Конституция Афин и конституция ряда других греческих полисов (Мантиней и др.)¹⁴.

Верховное право собственности коллектива находит свое выражение не только в том, что существуют определенные категории земель, находящиеся в общественном (всего полиса или его подразделений — фил, фратрий, демов)¹⁵ владении, но и в том, что полис, коллектив собственников обладает правом контроля над земельным фондом, правом вмешиваться в отношения собственности¹⁶.

Следующая важнейшая особенность полиса, определяемая именно

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 471.

¹¹ E h g e n b e r g, The Greek State..., стр. 28 слл.; W i l l, Le monde..., стр. 417.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 466.

¹³ Например, в Спарте (E h g e n b e r g, The Greek State..., стр. 28; другие примеры см. W i l l, Le monde..., стр. 430 сл.).

¹⁴ У т ч е н к о, Кризис..., стр. 12.

¹⁵ В. Н. Андреев, Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э., ВДИ, 1967, № 2, стр. 48—75; о н ж е, Аттическое общественное землевладение. II, ВДИ, 1972, № 4, стр. 7—18; Л. М. Г л у с к и н а, Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э., Л., 1975, стр. 49 сл.

¹⁶ Этому обстоятельству придает особое значение К. М. Колобова, указывающая, что общинно-государственная собственность, отличающая полис от других форм общины, проявляется прежде всего «в контроле со стороны гражданского коллектива над частной собственностью его членов» (История древней Греции, под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса, М., 1962, стр. 151). С мнением К. М. Колобовой согласен и Ю. В. Андреев (см. Спарта как тип полиса, Вестник ЛГУ, 1978, № 8, стр. 50). Примеры в отношении Спарты см. P. O l i v a, Sparta and Her Social Problems, Praha, 1971.

этими отношениями собственности, заключается в форме и тенденциях развития политической организации коллектива собственников: «Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия»¹⁷. Взаимная обусловленность права собственности и гражданского статуса, совпадение, в принципе, социальной и политической структур приводили к тому, что сограждане являлись, в идеале, равными соучастниками политической жизни и суверенитет принадлежал народному собранию полноправных граждан, они же и земельные собственники. Именно с этим связывается общая тенденция развития греческого мира в сторону демократии¹⁸. Точно так же именно в силу данной особенности полиса в процессе его развития (в Афинах, например, с реформ Солона) достигается запрещение эндогенного рабства¹⁹.

Наконец, необходимо отметить еще одну характерную особенность гражданской общины: совпадение (более или менее полное) политической и военной организации полиса. К. Маркс, определяя специфику античной общины, особо выделял характер ее военной организации: «Затруднения, возникающие у одной общины, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему, состоящая из ряда семей община организована, прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»²⁰. Характер военной организации как гаранта собственности и, таким образом, самого существования общины определяет не только связь, но, в принципе, и однозначность военного ополчения граждан с народным собранием как основной политической организации полиса. Гражданин-собственник одновременно является и воином, обеспечивающим неприкосновенность собственности полиса и тем самым своей личной собственностью²¹.

Когда К. Маркс определяет сущность античной формы собственности, порождающей своеобразие античной гражданской общины, ее отличие от других типов общин, он имеет в виду прежде всего земельную собственность²². Подобное выделение именно земельной собственности объясняется тем, что К. Маркс учитывал уровень развития экономики античного общества.

Экономика полиса, в принципе, базируется на сельском хозяйстве²³, представляющем основную сферу занятий гражданина²⁴. Именно поэто-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 466.

¹⁸ E h g e n b e r g, The Greek State..., стр. 51; W i l l, Le monde..., стр. 422.

¹⁹ И. А. Шишова, Долговое рабство, в кн. «Рабство на периферии античного мира», Л., 1968, стр. 24—48.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 465.

²¹ М а р и ц о в и ч, Греческое наемничество..., стр. 267; E h g e n b e r g, The Greek State..., стр. 80.

²² См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 471.

²³ Б л а в а т с к и й, Античный город..., стр. 9; А. Г а р с и а - и - Б е л ь и д о, Социальные проблемы урбанистики в античном Средиземноморье, М., 1972, стр. 2; Н. В о l k e s t e i n, Economic Life in Greece's Golden Age, Leiden, 1958, стр. 17; М о s s e, La fin ..., стр. 39.

²⁴ По подсчетам некоторых исследователей, даже в период непосредственно после окончания Пелопоннесской войны из 30 тыс. афинских граждан только 5 тыс. не имели земельных участков (см., например, М о s s e, Athenes in Decline, 404—88 В. С., London — Boston, 1973, стр. 16).

му в античном полисе нет противоположности между «городом и деревней»²⁵. К. Маркс отмечал: «В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым»²⁶. Именно этим определяется тенденция к автаркии полиса, которая и лежала в основе экономических воззрений античности. Автаркия выступала в качестве экономической основы свободы²⁷. Ни отдельно взятый индивид, ни полис не чувствовали себя полностью свободными, если средства их существования зависели от кого-то другого. В применении к индивиду автаркия выступала в качестве идеала мелкого крестьянина-собственника, живущего своим независимым хозяйством. Для полиса же в целом автаркия — это, в принципе, сумма автаркий отдельных домохозяйств²⁸. Экономическая автаркия была теснейшим образом связана с политической системой полиса (стремление к политической независимости полиса в целом и равенству его отдельных сограждан).

Тем самым ставились определенные рамки развитию ремесла, которое, в соответствии с полисным идеалом, должно было развиваться только до такой степени, которая позволяет удовлетворять насущные потребности граждан: «мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства (fabri и т. д.)»²⁹ — таким образом К. Маркс определяет экономическую основу полиса.

Общинной же структурой полиса объясняется и ясно выраженная тенденция к простому воспроизводству общины, как в экономическом, так и социальном плане. Для добывания жизненных средств «индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины»³⁰. Это наблюдение применимо не только в отношении отдельных членов коллектива, но и в отношении всего коллектива полиса в целом: «Цель всех этих общин — сохранение, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их в том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»³¹. К. Маркс особо оговаривает следующие условия, при которых возможно простое воспроизводство общины: «Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности»³².

Полис, представляя собой один из типов общинных структур, мог существовать (именно как полис) только при сравнительно небольших размерах гражданского коллектива и территории. Платон в «Законах» ука-

²⁵ M. Hammond, *The City in the Ancient World*, Camb., 1972, стр. 174; S. C. Humphrey, *Town and Country in Ancient Greece*, в кн.: *Man, Settlement and Urbanism*. Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham, G. W. Dimbleby, *Proceedings of a Meeting of Research Seminar in Archaeology and Related Subjects Held at the Institute of Archaeology*. London University, Duckworth, 1972, стр. 766.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 471.

²⁷ Штаерман, *Эволюция...*, стр. 5.

²⁸ Will, *Le monde...*, стр. 632 сл.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 466.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 467.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 483.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 467.

зывает, что его идеальный полис должен включать 5040 полноправных граждан (Legg. 737e; 745c). Разбирая вопрос о размерах полиса, Аристотель в «Политике» приходит к выводу, что как население, так и территория полиса должны быть «легко обозримы». Э. Вилль указывает, что сравнительно небольшие размеры также относятся к числу существенных характеристик полиса, ибо в полисе возможна только «прямая демократия»³³, что нам представляется справедливым, ибо в основе политической организации его лежит принцип суверенитета народного собрания³⁴.

Отражением общинных отношений и своеобразным регулятором их служит система ценностей, выработанная полисом. Она характеризуется рядом своеобразных черт. Одна из них — концепция, согласно которой занятие сельским хозяйством, собственный труд на собственной земле является высшей ценностью, основной добродетелью гражданина³⁵. «Древние единодушно почитали земледелие *единственным делом, подабающим для свободного человека, школой солдата*»³⁶. Иногда эта идея получила и более практическое, политическое воплощение. В некоторых полисах, например беотийских, полные гражданские права имели владельцы только земельной собственности, лица же, занимавшиеся более четырех лет ремесленным трудом, утрачивали эти права³⁷. Известны и другие примеры (в частности в истории Афин), когда полное гражданство непосредственно связывалось с обладанием земельным участком³⁸.

Отношение к земле, по словам К. Маркса, характеризуется «наивной непосредственностью»³⁹. Земля в силу этого рассматривалась в «сакральной перспективе». Богатство, полученное от обладания землей, считалось богатством, полученным от божеств⁴⁰. Идея автаркии отдельного домохозяйства в силу этого получала выражение еще и в том, что совершенно неистребимым было у каждого гражданина стремление приобрести участок земли, даже если деньги для этого он заработал ремеслом, торговлей или ростовщичеством⁴¹. Владение участком земли являлось важнейшим условием социального престижа⁴².

Наконец, труд на земле, согласно данной системе ценностей, не может служить источником наживы, он должен служить только для удовлетворения жизненных потребностей: «Богатство не выступает у них как цель производства»⁴³. Для древнего грека, в принципе, занятие сельским хозяйством — это не занятие, целью которого является производство товаров для обмена, торговли⁴⁴. Занятие сельским хозяйством — это способ жизни, наиболее полно отвечающий природе, наиболее полно

³³ Will, *Le monde...*, стр. 423 сл. Те же самые мысли см. M. I. Finley, *Democracy Ancient and Modern*, L., 1973, стр. 17 сл.

³⁴ Видимо, этими причинами объясняется и ярко выраженная в античном мире тенденция к строгому ограничению числа граждан. Рост населения полиса — явно нежелательное явление, с которым необходимо бороться. Именно этими соображениями порождены некоторые очень строгие законы, например, закон Перикла (Plut., Pericl. 37) об обусловленности афинского гражданства для каждого индивида фактом, что оба родителя были гражданами. См. Утченко, *Кризис...*, стр. 9; Ehrenberg, *The Greek State...*, стр. 28 сл.; Will, *Le monde...*, стр. 421.

³⁵ M. I. Finley, *Ancient Economy*, Berkeley — Los Angeles, 1973, стр. 122; A. Burford, *Craftsmen in Greek and Roman Society*, Ithaca, 1972, стр. 29; Will, *Le monde...*, стр. 632 сл.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 46, ч. I, стр. 468.

³⁷ Will, *Le monde...*, стр. 633.

³⁸ Bolkestein, *Economic Life...*, стр. 17.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 46, ч. I, стр. 463.

⁴⁰ Will, *Le monde...*, стр. 647.

⁴¹ Burford, *Craftsmen...*, стр. 30; Hammond, *The City...*, стр. 181.

⁴² Mossé, *La fin...*, стр. 66.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 46, ч. I, стр. 475.

⁴⁴ A. French, *The Growth of the Athenian Economy*, L., 1964, стр. 10.

соответствующий той всеобщей гармонии, которая управляет миром ⁴⁵.

В силу всего этого идеология полиса очень традиционна, отражая экономическую направленность общины именно к простому воспроизводству. Отсюда постоянное обращение к «правам предков», *pátrios politeía* как высшему аргументу в политических дискуссиях.

Необходимо, наконец, остановиться еще на одном вопросе, связанном с определением сущности полиса. В ряде недавних работ ⁴⁶ четко проводится мысль о том, что обычное понимание полиса не совсем верно. Полис как коллектив граждан охватывает, в соответствии с этой концепцией, только часть населения, живущего на его территории. Помимо собственно гражданского населения имеются еще метеки и рабы. Из этого факта делается следующий вывод: полис как коллектив граждан — это только политическая структура. В то же время полис как организация, охватывающая не только гражданство, но и все остальное население, живущее на его территории, — это социально-экономическая структура. Нам представляется не совсем верным подобное противопоставление. Прежде всего, полис даже в «узком» значении не является системой только политической, но также и социально-экономической, поэтому подобное противопоставление двух систем не верно. Иное дело, что, с нашей точки зрения, можно говорить о двух социально-экономических системах (собственно полис и полис в «широком» смысле), взаимосвязанных и взаимозависящих, функционирующих в рамках единой политической системы.

Этот вопрос, однако, должен быть рассмотрен в более широком контексте. Необходимость подобного подхода диктуется одной из своеобразных особенностей полиса, также выделяющей его из ряда других общинных структур. Полис является не только общиной, существующей в условиях классового общества, полис представляет собой форму организации господствующего класса. К. Маркс и Ф. Энгельс эту особенность вводили в число сущностных характеристик полиса, ставя в тесную связь с античной формой собственности: «Вторая форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность... Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» ⁴⁷.

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс понимают полис как общинную структуру, существующую в условиях классового общества. Именно поэтому в нашем очерке полис должен быть рассмотрен не только «статически» (как мы это делали до сих пор, определяя наиболее характерные черты его), но и с точки зрения динамики общественного развития. При таком рассмотрении неизбежно бросаются в глаза многочисленные отклонения от той «идеальной модели», которая была обрисована выше. С нашей точки зрения это объясняется тем, что возникновение древнегреческого полиса хронологически и стадияльно совпадает с возникновением классового общества и государства и их естественного порождения — города: «Противоположность между городом и деревней начинается

⁴⁵ Will, *Le monde...*, стр. 646 сл.

⁴⁶ Там же, стр. 432; J. P e ò i r k a, *The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.* XIV International Congress of Historical Sciences, San Francisco, 1975, стр. 1.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 3, стр. 21.

вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени»⁴⁸. Именно поэтому возникает вопрос о соотношении двух понятий: полис и город. Отметим, что и в некоторых зарубежных работах (хотя и в очень краткой форме) мы сталкиваемся с мыслью о несовпадении полиса (описываемого посредством терминов *city* или *city*) с городом (*town, ville*)⁴⁹.

Что же такое город?

Ответ на этот вопрос не может быть простым. Можно сослаться на недавнюю работу американского социолога Р. Сомлинсона⁵⁰.

В третьей главе своей монографии он исследовал имеющиеся определения сущности города. Всего Р. Сомлинсоном отмечено 15 типов таких определений. Типы им группируются на основе тех критериев, которые использовались исследователями. Приведем примеры таких критериев: 1) город определяется как поселение, имеющее большее количество населения, нежели деревня; 2) город отличается от деревни благодаря большей плотности населения; 3) основная функция города — распределение; 4) город служит центром путей сообщения; 5) город — центр потребления⁵¹ и т. д.

Отмечая неудовлетворительность всех подобных критериев, Р. Сомлинсон склоняется к тому определению, ядром которого служит противопоставление города, как центра промышленной деятельности, деревне, занятой сельскохозяйственным производством. Близкие идеи мы встречаем и у некоторых других зарубежных специалистов по истории города. Так, Г. Сьоберг⁵² также определяет город (посредством антитезы деревне), как «убежище» различного рода «несельскохозяйственных» специалистов, хотя и без того удара на промышленную деятельность, которое мы видим у Р. Сомлинсона.

В сущности, Р. Сомлинсон следует тому пониманию характера города как особого общественного организма, которое было выдвинуто классиками марксизма, считавшими, что становление города является результатом процесса общественного разделения труда, в частности же — результатом разделения труда между земледелием и ремеслом⁵³. Город становится (в результате развития этого процесса) тем общественным организмом, который концентрирует в себе преимущественно промышленность (в ее первой исторической форме, форме ремесла)⁵⁴.

Возникновение противоположности между городом и деревней имеет своим естественным результатом развитие обмена между ними, и город становится также центром обмена. Эта роль города столь велика, что некоторые из исследователей вообще определяют город в первую очередь именно как центр обмена. Однако это явление — вторично, оно — производ-

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 4950.

⁴⁹ A. L u m a r d, Les cités grecques à l'époque classique. Leurs institutions politiques et judiciaires — La ville. Partie I. Justitutions administratives et judiciaires, Bruxelles, 1954 (Recueil de la Société Jean Bodin, VI), стр. 50; F. H e i c h e l h e i m, An Ancient Economic History, vol. I, Leiden, 1958, стр. 492.

⁵⁰ R. T h o m l i n s o n, Urban Structure. The Social and Spatial Character of Cities, N. Y., 1965.

⁵¹ Данный взгляд, развитый М. Вебером, ныне достаточно широко распространен среди западных антиковедов. См., например, B o l k e s t e i n, Economic Life..., стр. 40; F i n l e y, Ancient Economy..., стр. 125.

⁵² G. S j o b e r g, The Origin and Evolution of Cities — Cities: their origin, growth and human impact. With introd. by K. Davies, San Francisco, 1973, стр. 19—20.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 165.

⁵⁴ Э. В. С а й к о, Становление города как производственного центра, Душанбе, 1973, стр. 17; J.-P. T h i r y, Théories sur le phénomène urbain. Analyse critique et matériaux pour une théorie sociologique, Bruxelles, 1973, стр. 35.

ное от факта развития ремесла. Тем не менее роль города как центра обмена — одна из важнейших. Классики марксизма отмечали, что на этой стадии развития общества, когда происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом и, соответственно, все возрастающая часть продуктов труда производится непосредственно для обмена, сам обмен между отдельными производителями превращается в жизненную необходимость для общества⁵⁵. В различных конкретных исторических условиях сам процесс может носить различный характер — натуральный или товарно-денежный, определяться рыночными или иными отношениями. Однако само возникновение обмена, превращение его в «жизненную необходимость для общества» становится мощным стимулом развития, разлагающим натуральное хозяйство, углубляющим специализацию, вводящим во все большей степени элементы товарности в традиционные хозяйственные отношения. «Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта...»⁵⁶. Естественным результатом этого процесса усложнения структуры общественного производства и усложнения системы связей между отдельными отраслями его является сложение рынка⁵⁷ и формирование специального класса торговцев, профессионально занятых обменом и эксплуатирующих непосредственных производителей⁵⁸. На этой стадии структуру общества можно рассматривать уже с точки зрения дихотомии: деревня—город, причем «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности»⁵⁹.

Таким образом, город как особый общественный организм необходимо рассматривать в контексте следующих взаимосвязанных явлений: 1) разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью (на данной стадии развития общества в ее первой исторической форме — форме ремесла); 2) углубление специализации внутри самой промышленной сферы производства; 3) развитого обмена, приобретшего форму существования рынка; 4) существование специального класса купцов; 5) существование частной собственности.

Мы, естественно, не можем претендовать на то, чтобы в рамках данной статьи дать сколько-нибудь полный очерк истории города древней Греции. Наша задача много скромнее — попытаться обрисовать с помощью нескольких примеров этот процесс, наметить некоторые общие тенденции развития.

Уже в архаическую эпоху этот процесс достаточно отчетливо прослеживается на территории Элады, проявляясь, главным образом, в связи с так называемой «великой греческой колонизацией». Не касаясь сейчас вопроса о причинах ее⁶⁰, мы коснемся только вопроса о влиянии этого

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 165.

⁵⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 21.

⁵⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 22.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 165; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 332.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 50.

⁶⁰ Отметим только, что в соответствии с современными представлениями мы считаем, что причиной колонизации был не только земельный голод, но и потребность в металле (M. I. Finley, *Early Greece: the Bronze and Archaic Ages*. L., 1970, стр. 97; Starr, *The Economic and Social...*, стр. 62—63). Во-вторых, мы должны постоянно

процесса на экономическое развитие Эллады. Основной поток греческой эмиграции в архаическую эпоху был связан с основанием новых полисов вдоль побережий Средиземного и Черного морей. Греческие апойкии в основном конституировались как полисы. Именно поэтому направление их развития диктовалось основными особенностями полисной экономики, т. е. стремлением создать самообеспечивающийся экономический организм. Это означало в тогдашних условиях в первую очередь освоение и эксплуатацию сельскохозяйственной хоры. Сельское хозяйство стало ведущей отраслью экономики большинства вновь основанных полисов.

Однако развитие в сторону самообеспечивающейся экономики не означало прекращения связей (в том числе и экономических) с метрополией и не означало отсутствия связей с местным населением. Самообеспечение было идеалом полиса, в большинстве случаев недостижимым. Большинство полисов, в частности, нуждалось в металле. Даже многие из западно-средиземноморских полисов не имели своих источников металла, что заставляло их развивать связи (в том числе и торговые), посредством которых они удовлетворяли эту свою потребность. Такова была, например, ситуация в сицилийских полисах, поскольку остров был беден металлическими рудами⁶¹. Наконец, собственно Греция нуждалась как в зерне, так и в металле. Все эти обстоятельства служили мощным препятствием для превращения «периферийных» полисов в полностью замкнутые экономические системы.

Для выяснения характера экономических взаимоотношений между апойкиями и метрополией необходимо иметь в виду одно фундаментальное различие. В процессе товарного обмена в античном обществе различаются две категории товаров: товары «жизненно необходимые» и товары, «удовлетворяющие культурные потребности»⁶². Специфика экономического развития апойкий состояла в том, что «жизненно необходимые потребности» они, главным образом, удовлетворяли своими силами или путем обмена с иными обществами, нежели метрополия. Располагая, как правило, обширной и плодородной хорой, обеспечивающей их потребности в продуктах питания, они в то же самое время обычно находились ближе к источникам металла, чем собственно Греция. Именно это обстоятельство определило характер экономических связей мира апойкий с миром метрополии. Греция должна была удовлетворять в значительной мере свои жизненно необходимые потребности за счет обмена с периферийными

помнить о своеобразии ранних форм обмена. Представление об обмене в доколониационную и колониационную эпоху как о торговле, имевшей своей целью экспорт продукции промышленности Греции, с нашей точки зрения, неправильно. Обмен того времени был много ближе по своему характеру к первобытному обмену, который возникал не вследствие развития товарного производства или наличия излишков, а в силу жизненной необходимости у широко расселившихся общин, освоивших в процессе расселения территории разной степени пригодности для замкнутого хозяйственного цикла (В. М. М а с с о н, Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) Л., 1976, стр. 78—80). О скудости ресурсов Греции (недостаток плодородных почв, воды, минеральных ресурсов см. E h r e n b e r g, The Greek State..., стр. 3—7; W i l l, Le monde..., стр. 632; B o l k e s t e i n, Economic Life..., стр. 2 слл). Подробнее в целом о проблеме см. В. Д. Б л а в а т с к и й, Г. А. К о ш е л е н к о, И. Т. К р у г л и к о в а, Полис и миграция греков, «Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья», Тбилиси, 1979, стр. 7—29.

⁶¹ M. I. F i n l e y, A History of Sicily to the Arab Conquest, L., 1968, стр. 17.

⁶² E. W i l l, La Grèce archaïque — Deuxième conférence internationale d'histoire économique, Aix-en-Provence, 1962, vol. I, Trade and politics in the Ancient World, Paris — La Haye, 1965, стр. 45; о н ж е, La Grand Grèce, milieu d'échange. Réflexions méthodologiques. «Economie e Società nella Magna Grecia». Atti del dodicesimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 8—14 Ottobre, 1972, Napoli, 1975, стр. 21—67.

полисами. Хлеб, металл, отчасти лес поступали в греческие полисы именно оттуда. Особенно велики были потребности в этих товарах в наиболее развитых полисах.

Именно поэтому становление мира периферийных полисов оказало огромное влияние на экономику Эллады. В обмен на «жизненно необходимые» товары она должна была вывозить в апейки товары, «удовлетворяющие культурные потребности». Именно это приводило к перестройке экономики Эллады, возникновению товарной направленности как в сельском хозяйстве, так и ремесле наиболее развитых полисов Эллады. Лучшие сорта вин, оливковое масло, особо качественная ремесленная продукция — вот в первую очередь то, что вывозила Эллада в апейки⁶³. Отметим, прежде всего, что с конца VII, во всяком случае с начала VI в. до н. э. в ремесленном производстве важнейших экономических центров Греции происходит решительный перелом. Именно в это время развивается производство серийной продукции (в первую очередь в керамике), что является знаком развития производства не на заказ, а для потребностей рынка⁶⁴.

Показательно также, что именно во время «великой колонизации» были сделаны основные технические и технологические изобретения и открытия, определившие уровень развития ремесленного производства древней Греции на многие века (чуть ли не до конца античности)⁶⁵.

В применении к классической Греции для иллюстрации тех тенденций развития, которые мы исследуем, мы считаем возможным в данной работе прибегнуть к одному основному источнику — комедиям Аристофана. Значение их заключается в том, что автор дает яркую и насыщенную картину жизни Афин конца V — начала IV в. до н. э.⁶⁶ В современной литературе именно на базе этого источника были сделаны важнейшие выводы относительно характера афинского общества классической эпохи. В частности, В. Эренберг доказал⁶⁷, что столь популярное в течение дли-

⁶³ European Economic History, vol. I, The Ancient World. By W. I. Davison and J. E. Harper, N. Y., 1972; Will, La Grèce archaïque..., стр. 70—78. Комментарий К. Ребека на данную статью в этом же сборнике, стр. 101—105; B. L. Bailey, The Exportation of Attic black-figure ware, JHS, LX, 1940; Starr, The Economic and Social..., стр. 76—78.

⁶⁴ F. Heichelheim, An Ancient Economic History, vol. I, Leiden, 1958. Близию взгляды развивает и О. Эрб (O. Erb, Wirtschaft und Gesellschaft in Denken der Hellenischen Antike, Studien zur Wirtschaftsgeschichte und Gesellschaftsgeschichte, Biele, 1938). Эта концепция подвергалась критике со стороны Ж. Валле и Ф. Виллара (G. Vallée, F. Villard, Céramique grecque et histoire économique, «Etudes archéologiques. Recueil de travaux. Publiés sous la direction de P. Courbin», P., 1963, стр. 213), которые считали, что тезис Ф. Хайхельхайма неверен, поскольку никаких изменений в технике производства в это время не наблюдается, количество же и качество керамики не могут служить надежным показателем существования Massproduktion (термин Хайхельхайма). Однако Э. Вилль, специально исследовавший керамическое производство Коринфа (на базе которого и делались все эти выводы), более умерен в критике тезиса Хайхельхайма (E. Will, Archéologie et histoire économique. Problèmes et méthodes. Etudes de quelques cas particuliers — Etudes d'archéologie classique I (1955—1956), P., 1958, стр. 155). Он указывает, что действительно не происходит изменений в технике производства, особенно он подчеркивает отсутствие прогресса в разделении труда. Но бесспорно, что на некоторые виды керамики растет спрос и их начинают выпускать в очень значительном количестве, жертвуя при этом качеством. Конечный вывод Э. Вилля — здесь можно говорить о серийном производстве керамики.

⁶⁵ Volkestein, Economic Life..., стр. 46; Starr, The Economic and Social..., стр. 82.

⁶⁶ О значении комедий Аристофана для характеристики хозяйственной жизни Афин см. Mossé, La fin..., стр. 73.

⁶⁷ V. Ehrenberg, The people of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy, Camb. Mass., 1951, стр. 362. См. также A. H. M. Jones, Athenian Democracy, Oxf., 1957.

тельного времени представление о гражданах Афин, как «рантье», живущих за счет средств, получаемых за выполнение гражданских обязанностей, неверно. Им было доказано, что в основе благосостояния афинского гражданина лежало занятие сельским хозяйством, ремеслом или торговлей, а государственные выплаты были не более чем «приработком», желательным, но отнюдь не основным источником средств к жизни.

Конечно, сказанное не означает, что комедии Аристофана полностью освещают эту сложную проблему. Они использованы здесь только как один из ярких примеров, показывающий некоторые тенденции развития афинского общества.

В комедиях Аристофана отражены, прежде всего, представления афинского общества того времени о самых основных принципах профессионального деления населения полиса. В комедии «Плутос», в частности эта профессиональная структура представлена следующим образом: земледельцы, купцы, ремесленники (903—905). Не касаясь сейчас проблемы разделения труда в сельском хозяйстве, отметим только, что Аристофан дает длинный и достаточно показательный список тех профессий, которые существовали в мире ремесленников Афин: камнетес («Птицы», 1134); лесоруб («Мир», 747); мастер, делающий кирпичи («Плутос», 514); кузнец («Плутос», 163, 513; «Птицы», 490; «Мир» — одно из действующих лиц в пятом эпизоде); судостроитель («Плутос», 513); сапожник («Плутос», 162, 514; «Экклесиазусы», 385; «Всадники», 765; «Лисистрата», 414); сукновал («Плутос», 166; «Экклесиазусы», 415); пекарь («Мир», 14); сыровар («Всадники», 870); скорняк («Экклесиазусы», 420; «Всадники», 765); дубильщик («Плутос», 167); чесальщик шерсти («Плутос», 165); ювелир («Плутос», 164; «Лисистрата», 408); гончар («Птицы», 490; «Мир» — одно из действующих лиц в пятом эпизоде); ткач («Птицы», 490), мукомолка («Облака», 1358), кожевник («Птицы», 490; «Всадники», 765, 870; «Плутос», 514); ковровщик («Плутос», 528). В списке профессий, предоставляемом комедиями Аристофана, присутствуют и некоторые категории чернорабочих, причем, видимо, некоторые из них были также достаточно специализированы. Так, в «Птицах», в частности, появляется носильщик кирпичей — *κλιδοφόρος* (1134).

Весьма показательно дробление некоторых профессий, что можно считать свидетельством дальнейшего роста специализации и тем самым достижения более высокого уровня развития разделения труда. Так, в частности, помимо просто столяров («Плутос», 163) появляются еще мастера, специализирующиеся на изготовлении колес («Плутос», 513), кроватей (там же, 527); помимо ткачей имеются специальные люди, занятые только окраской тканей (там же, 530). Наряду с мастерами-керамистами существуют специалисты только по изготовлению светильников («Облака», 1065; «Всадники», 765; «Мир», 690). Рядом с кузнецами упоминаются специалисты, занятые отдельными видами металлообработки. Так, Аристофан упоминает мастеров, занятых изготовлением различных сельскохозяйственных орудий, в частности специалистов по изготовлению плугов («Мир», 548) и отдельно — по изготовлению мотыг (там же, 547). Помимо просто оружейников («Мир», 547) появляются мастера, специализирующиеся на изготовлении копий («Мир», 447, 559), махайр («Птицы», 440), наконец, упоминается даже специалист по изготовлению султанов для шлемов («Мир» — один из участников действия в пятом эпизоде).

Бесспорно, что этот список профессий очень неполон, целый ряд других профессиональных занятий упоминает Плутарх в биографии Перикла (12). Кроме того, ясно, что под некоторыми общими понятиями скрываются представители нескольких различающихся профессий. Например, в кер-
 ρамической мастерской обычно работало несколько человек, у каждого из

них были свои особые функции: не говоря уже о подготовке глины, отметим, что в процессе изготовления керамических сосудов различались три технологических операции, выполнявшиеся различными специалистами: изготовление сосуда, роспись его, обжиг. Кроме того, возможно, что отдельные мастерские специализировались на изготовлении отдельных видов сосудов, с чем связано, по мнению некоторых исследователей, обилие терминов, обозначающих профессии, связанные с керамическим производством в древней Греции⁶⁸.

Среди ремесленников, упоминаемых Аристофаном, нет ни одного, связанного с горным делом, хотя эта отрасль хозяйства была одной из важнейших в Аттике (Лаврионские рудники)⁶⁹. Но добыча и обработка руды, а также плавка металла требовали рабочих различных профессий. Непосредственно в шахтах работали забойщики и откатчики (в среднем в шахте — 10 первых и 10 последних, также еще 20 подсобных рабочих)⁷⁰. Кроме того, здесь же должны были находиться и представители, так сказать, инженерной службы: маркшейдер (ἐγχεστρητής), геолог. В мастерских, находившихся на поверхности, обрабатывали и обогащали руду. В средней такой мастерской, по подсчетам З. Лауффера⁷¹, трудилось 33 человека, выполнявших три различных операции (измельчение руды, окончательное измельчение на мельнице, промывка), засвидетельствованы термины, обозначающие рабочих, занятых на двух первых операциях, кроме того, известны также и термины, обозначающие и руководителей этих работ (ὁ ἐπὶ τῶν μετάλλων, ἐπιστάτης τῶν ἀργύρειων, μεταλλάρχης). Наконец, в плавильной мастерской, где получали не только серебро, но и другие металлы, в частности свинец, работало от 8 до 20 человек также нескольких специальностей⁷².

В списке профессий, предоставляемом нам Аристофаном, очень общо обозначены профессии, связанные со строительством, хотя эпиграфические документы, например связанные со строительством Эрехфейона, показывают большое разнообразие и выполняемых работ и отдельных профессий⁷³. Точно так же Аристофаном упоминается только ювелир, хотя лишь среди мастеров, работавших с золотом, было не менее четырех отдельных специальностей⁷⁴. Отметим также, что Аристофан почти не упоминает профессий, связанных с морем. Упоминания о море у него достаточно редки и часто эмоционально окрашены, и его собственная позиция меняется. В комедии «Мир» это упоминание имеет негативную окраску⁷⁵, а в «Ахарниах» — позитивную⁷⁶. В жизни Афин море играло огромную роль, и здесь, естественно, нет необходимости перечислять все те профессии, которые были связаны со строительством и об-

⁶⁸ H. Blümmner, *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Kunst*, Bd. II, 1889, стр. 33.

⁶⁹ E. Ardalion, *Les mines du Laurion dans l'Antiquité*, P., 1897; R. I. Hope, *The Attic Silver Mines in the Fourth Century B. C.*, ABSA, XLVIII, 1953, стр. 200—254.

⁷⁰ S. Lauffer, *Die Bergwerkslaven von Laureion*, Bd. I—II, Wiesbaden, 1955—1956; Bd. I, стр. 48.

⁷¹ Там же, стр. 47.

⁷² Там же, стр. 47—48.

⁷³ R. Randall, *The Erectheum Workmen*, AJA, LVII, № 3, 1953, стр. 199—210; Глускина, *Проблемы...*, стр. 47 сл.

⁷⁴ R. J. Forbes, *Studies in Ancient Technology*, vol. VIII, Leyden, 1964, стр. 180.

⁷⁵ «Идти ли в море? Голодранцу по сердцу. А богачу и пахарю — не по сердцу» (197—198).

⁷⁶ «Да ведь застанут люди корабельные, оплот Афин» (162).

служиванием кораблей⁷⁷, и многочисленные профессии для обслуживания крупного морского порта⁷⁸.

Трудно сколько-нибудь полно представить численность ремесленного населения греческих городов. По этому вопросу имеются только отдельные свидетельства, связанные, главным образом, с Афинами, не позволяющие получить исчерпывающей информации. По подсчетам некоторых исследователей, в Аттике этого времени одновременно работало около 400 мастеров-керамистов⁷⁹.

Крайне важным обстоятельством является то, что в V в. до н. э. происходит определенная концентрация в керамическом производстве Афин. В некоторых из мастерских работает до 20 художников (с соответствующим числом другого персонала). Этот процесс сопровождается и изменением конструкции керамических обжигательных печей. Если в VI в. до н. э. они круглые (диаметр 1,2—1,5 м), то в V в. — прямоугольные в плане (до 4,5 м длиной)⁸⁰. Подобные изменения явно свидетельствуют о стремлении к увеличению объема выпускаемой продукции и, соответственно, о росте степени разделения труда в рамках отдельной мастерской.

По подсчетам З. Лауффера⁸¹, в Лаврионе (в период наивысшего расцвета добычи здесь серебра) было занято только рабов 20 000—30 000. Но здесь же имелось и определенное число свободных рабочих.

В данной работе мы отнюдь не стремились дать полный список всех отдельных профессий, существовавших в Афинах этого времени и выявить их роль в жизни афинского общества. Наша задача много более скромна — показать с помощью этих данных, что в классических Афинах был достигнут достаточно высокий уровень разделения труда. Можно думать, что привлеченные (хотя и далеко не полные) данные достаточно показательны. Они свидетельствуют не только об отделении ремесла от земледелия, но и далеко зашедшей специализации в самой ремесленной деятельности.

Этому высокому уровню разделения труда в сфере производства отвечает также и достаточно высокий уровень разделения труда в сфере обмена⁸². Упоминания Аристофаном многочисленных профессий торговцев не оставляют сомнения в том, что торговля в Афинах того времени носила специализированный характер. Известны, в частности: торговка хлебом («Осы» — одно из действующих лиц в третьем эпизоде); торговка медом («Всадники», 870); старьевщицы («Экклесиазусы», 49); торговцы овощами («Плутос», 167; «Фесмофориазусы», 387; «Осы», 498); рыбой (там же, 497); благовониями («Всадники», 1141); торговец оружием («Мир», 1208) и отдельно — продавец щитов («Мир», 447), наконец, работорговец («Плутос», 521). Кроме того, упоминаются безличные рыночные торговки («Плутос», 427; «Лягушки», 858); кабатчики и кабатчицы

⁷⁷ M. A m i t, *Athenes and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power*, Bruxelles—Berchem, 1965, стр. 17; B. J o r d a n, *The Athenian Navy in the classical Period. A Study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B. C.*, Berkley — Los Angeles — London, 1975.

⁷⁸ J. V e l i s s a r o p o u l o s, *Le monde de l'emporion*, Dialogues d'histoire ancienne, 3, P., 1977, стр. 61—85.

⁷⁹ R. M. C o o k, *Die Bedeutung der bewalnten Keramik für den Griechischen Handel*, JDAI, 74, 1959, стр. 114—123.

⁸⁰ B a i l e y, *Exportation...*, стр. 60—70; V a l l e t, V i l l a r d, *Céramique grecque...*, стр. 211.

⁸¹ L a u f f e r, *Die Bergwerksklaven...*, Bd. I, стр. 161; см. также Г л у с к и н а, *Проблемы...*, стр. 144—168.

⁸² Подробнее см. И. А. Ш и ш о в а, *ΕΜΠΟΡΟΣ и ΚΑΠΝΑΟΣ в древнегреческой торговле*, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», сб. памяти акад. А. И. Тюменева, М.—Л., 1963, стр. 239 сл.

(«Плутос», 426; «Лягушки», 549; «Фесмофориазусы», 347). Наконец, сюда нужно также отнести и трапедзитов («Фесмофориазусы», 840)⁸³.

В связи с данной группой профессий, видимо, необходимо упомянуть и людей, занятых в «сфере обслуживания»: банщиков («Плутос», 955; «Лягушки», 710; «Птицы», 490; «Всадники», 1442), цырюльников («Плутос», 338), врачей («Плутос», 416; «Облака», 766).

Важнейшим показателем высокого уровня развития товарно-денежных отношений могут служить свидетельства о характере товаров, продаваемых и покупаемых на рынке. Этот список у Аристофана, хотя и случаен, но очень велик: мука, зерно (отмечаются отдельно рожь и ячмень) («Плутос», 386; «Экклесиазусы», 819; «Облака», 460; «Осы», 302; «Мир», 1322), «фиги» («Плутос», 1122); мед (там же); сдобные слойки (там же), вино («Мир», 1323), причем особо выделяется хиосское («Экклесиазусы», 1139) и фасосское («Лисистрата», 196; «Плутос», 1021); смоквы («Лисистрата», 564; «Осы», 303); яйца («Лисистрата», 561); птица (гуси, крапивники, нырки, сороки, голуби, перепела, утки) («Ахарняне», 875—876); рыба (селедка, карп, салакушка, сардель, копайдский угорь) («Лисистрата», 560; «Всадники», 667; «Осы», 493; «Ахарняне», 875); мелкая живность («Ахарняне», 878—879); сыр (причем особо выделяется сицилийский) («Лягушки», 1369; «Осы», 896); масло («Ахарняне», 35), причем упоминается особо родосское («Лисистрата», 944); лук («Осы», 496); чеснок («Осы», 680), приправы («Осы», 392; «Ахарняне», 874), уксус («Ахарняне», 34), мята («Ахарняне», 874).

Этот длинный список — та пища, которая представлена на афинском рынке. Не менее длинен список иных товаров, продававшихся и покупавшихся здесь: критская одежда («Фесмофориазусы», 731); хитоны («Плутос», 984); гиматии (там же, 983); плащ из прекраснейшей шерсти фригийской («Птицы», 493); плащ из Экбатан («Осы», 493); мегарские плащи («Ахарняне», 519); сандалии («Лисистрата», 55; «Плутос», 983); персидские («Экклесиазусы», 319) и лаконские (там же, 74) башмаки; керамика («Лягушки», 985); коврики (из Беотии) («Ахарняне», 874); шерсть («Лягушки», 1387), причем особо выделяется милетская шерсть («Лисистрата», 729); милетские ковры («Лягушки», 544); сардский пурпур («Мир», 1174); лаконский замок («Фесмофориазусы», 423); венки (там же, 448); дрова («Осы», 302); угли («Ахарняне», 35).

Бесспорно, что список товаров, представленный в комедиях Аристофана, далеко не полностью отражает картину размаха торговли на афинском рынке. Тем не менее эти свидетельства дают очень яркое представление о далеко зашедшей дифференциации общественного производства, развитии товарно-денежных отношений в Афинах. На основании этих материалов можно сделать ряд выводов. Во-первых, можно говорить о достаточно значительном развитии торговли между Элладой и негреческим миром: среди товаров упоминаются плащ из Экбатан, плащ из фригийской шерсти, персидские башмаки, сардский пурпур. Во-вторых, имеются свидетельства о межполисной торговле⁸⁴. На афинском рынке

⁸³ Крайне показательны следующие наблюдения: само появление «трапедз» — «банков» связано с развитием товарно-денежных отношений и появляются они в V в. до н. э. (см. Vogelt, Banques et banquiers dans les cités grecques, Leyden, 1968, стр. 331). Большинство таких банков находилось в портовых городах — важных торговых центрах, в известных религиозных центрах, а также в процветающих городах, таких, как Сикион, или Фивы (стр. 306); среди клиентов их важнейшее место занимали эмпоры (стр. 395).

⁸⁴ В. Эренберг (People..., стр. 318 сл.) сомневается в том, что указание на место производства товара (лаконские сандалии, сицилийский сыр и т. п.) действительно является свидетельством его импорта. Он думает, что это, скорее, указание на сорт товара. Однако имеются и прямые свидетельства источников об импорте в Афины обычных потребительских товаров (Athen. Deipnosoph. I, 27).

представлены хисское и фасосское вина, копаидские угри, сицилийский сыр, родосское масло, коврики из Беотии, милетская шерсть и милетские ковры, лаконские замки и башмаки. Резюмировать же это все можно словами одного из героев комедии «Ахарняне», сказанными в связи с торговлей между полисами: «Не все, что есть в Афинах, есть в Беотии» (900). Внимательное изучение текста Аристофана позволяет прийти еще и к следующему выводу: антитезой войне у него выступает не просто мир, а мир, самым ярким внешним выражением которого служит межполисная торговля. Мир для Аристофана — это просто непеременимое условие для торговли. Особенно ярко эта мысль проводится в комедии «Ахарняне». Уже одно это может служить самым ярким свидетельством значения межполисной торговли в жизни афинского общества.

В-третьих, свидетельства Аристофана показывают, сколь велика была роль рынка в жизни рядового населения Афин, которое если не все, то большинство своих ежедневных потребностей, например в пище, удовлетворяло через посредство покупки на рынке. Подтверждением этому служит широкое распространение, начиная с рубежа V—IV вв. до н. э., бронзовой монеты⁸⁵, т. е. мелкой разменной монеты, обращавшейся только на местном рынке и служившей средством обмена при совершении мелких и мельчайших сделок. Конечно, на сельской территории картина была несколько иной, не зря один из героев комедии «Ахарняне» восклицает (33—37):

«Мне город мерзок. О село⁸⁶ желанное!
Там не кричит никто: „Кушите уксусу!“
„Вот угли! масло!“ Это там не водится:
Там все свое и нет там покупателей».

Эта жалоба Дикеополя важна для нас в двух отношениях. С одной стороны, она служит доказательством того, что в собственно городе развитие товарно-денежных отношений достигло большей степени, чем в хоре, где (что и естественно) сохранялось больше элементов натурального замкнутого хозяйства. С другой стороны, в этом свидетельстве можно видеть определенные указания на не только психологические, но и экономические различия между городом и деревней.

Однако, с нашей точки зрения, нельзя преуменьшать значение развития товарно-денежных отношений и на сельской территории Аттики. Товарная направленность сельского хозяйства Аттики достаточно ярко обрисовывается и Аристофаном. Крайне показательны те ассоциации, которые рождаются у комедиографа, когда он описывает деревню. Они почти никогда не связаны с хлебопашеством, а с разведением винограда, смоковниц, маслин («Ахарняне», 987; 995—999; «Птицы», 588—591; «Мир», 556—558; 598—599; 612; 627—629; 634; «Облака», 47), иногда еще добавляются пчелы, овечьи и козьи стада (там же, 71). В этом отношении крайне показательной является одна из сцен в «Фесмофориазусах», где афинский крестьянин продает виноград с тем, чтобы на вырученные деньги купить муку (817—819).

Конечно, эта подборка свидетельств Аристофана не может заменить всестороннего исследования древнегреческой экономики классической эпохи, однако и эти материалы достаточно показательны. Они рисуют очень яркую картину глубокого проникновения товарно-денежных отношений в греческое общество, они позволяют сделать вывод не только о существовании разделения труда между сельским хозяйством и ремес-

⁸⁵ С. М. С т а у, *Archaic and classical greek coins*, Berkley — Los Angeles, 1976.

⁸⁶ В оригинале стоит слово «дем».

лом, но и об углублении специализации внутри самой промышленной сферы производства, о наличии развитого обмена, функционирующего в рамках рыночных отношений, о существовании специального класса купцов, наличии различий, если не противоположности, как психологической, так даже и экономической, между городом и деревней. Важно отметить также и следующее: уже в древности была осознана зависимость степени разделения труда от величины города. Это отчетливо выразил Ксенофонт (Суг., VIII, 2, 5). Крайне показательно (в связи с выявлением этого процесса), что в IV в. до н. э. уже резко изменяется значение термина «автаркия». Для Аристотеля (Polit. VI, 5, 1321) автаркия состоит в возможности обеспечить полис всеми необходимыми продуктами посредством купли и продажи⁸⁷.

Все это заставляет нас считать Афины того времени подлинным городом, т. е. центром промышленного производства и обмена со всеми присущими ему особенностями.

Та ситуация, которая была выявлена в Афинах на основе анализа сообщений Аристофана, по всей видимости, не была уникальной. Афины представляли собой только один из наиболее ярких примеров того общего процесса, который наблюдался во всей Элладе. Во всяком случае факт распространения бронзовой монеты с IV в. до н. э. по всему эгейскому миру может служить подтверждением мысли о том, что за исключением Спарты и малых дорийских полисов Крита рыночные отношения стали явлением, получившим широчайшее распространение в Греции⁸⁸. Можно согласиться также с уже высказывавшимся мнением, что развитие товарно-денежных отношений сыграло чрезвычайно важную роль в социальном развитии Греции. Возникновение рынка и возможность приобретать на нем необходимые продукты и товары и продавать произведенные в своем хозяйстве — все это способствовало эмансипации мелкого производителя (крестьянина и ремесленника), освобождению от их экономической власти знати и тем самым было одним из условий становления античной (в том числе и афинской) демократии⁸⁹.

Однако остановиться на этом выводе было бы неправильно хотя бы в силу того, что он разительно образом отличается от тех выводов, к которым приходят в исследовании античной экономики наиболее авторитетные представители современного зарубежного антиковедения. Как известно, проблема экономики античного мира активно исследуется начиная со второй половины прошлого века. В конце прошлого — первой половине этого века в определении основных характерных черт античной экономики можно было видеть активное противостояние двух противоположных концепций: концепции К. Бюхера, согласно которой античность не вышла за рамки ойкосного типа хозяйства, и концепции Эд. Мейера, модернизировавшей экономическую и социальную структуру античного общества. Ныне обе эти концепции практически полностью отброшены⁹⁰. Как справедливо подчеркивалось Х. Пирсоном, обе они, в сущности, несмотря на внешние огромные различия между ними, исходили из одной ложной посылки: точкой отсчета и в той и другой кон-

⁸⁷ Отметим, что, согласно Псевдо-Ксенофону (Ath. pol. II, 12), основное необходимое Афинам сырье поступает из-за моря.

⁸⁸ European Economic History..., стр. 120.

⁸⁹ Там же, стр. 124; Н е i c h e l h e i m, An Ancient..., стр. 218.

⁹⁰ Критический разбор этих концепций см. W i l l, Trois quarts de siècle..., стр. 7—19; Н. W. P e a r s o n, The Secular Debate on Economic Primitivism — Trade and Market in the Early Empires. Economics in History and Theory. Ed. by K. Polanyi, C. M. Arensberg, H. W. Pearson, Glencoe, 1957; Я. А. Л е и ц м а н, О возникновении товарного производства в древней Греции, ВДИ, 1953, № 3, стр. 46 сл.

цепции служило капиталистическое хозяйство, и вся дискуссия сводилась к тому, насколько античная экономика была близка капиталистической⁹¹.

В современной западной литературе ныне наиболее популярны иные концепции, восходящие, в конечном счете, к М. Веберу. Ядром этой системы взглядов является тезис о резко выраженной специфике античного общества и его экономики. Наиболее авторитетный представитель этого направления М. Финли⁹² указывает, что понять античную экономику (и социальные отношения), используя современные понятия и критерии, невозможно. Само понятие «политическая экономия» (как учение о богатстве народов) появилось только в середине XVIII в. У греков и римлян подобного понятия не было, как не было у них и таких основополагающих для современной экономики понятий, как «труд», «продукция», «капитал», «капиталовложения», «предпринимательство», «спрос», «предложение» и т. д.⁹³ Античную экономику можно изучать лишь отказавшись от применения современных моделей, которые неизбежно ведут по ложному пути. С точки зрения М. Финли, основой социально-экономических отношений в Греции и Риме были восходящие к крестьянскому хозяйству ойкос или фамилия, в которых власть главы не членилась на социальных, экономический и личный аспекты, где не существовало четкого деления на базис и надстройку. М. Финли считает, что анализировать античную экономику, исходя из мысли о существовании в античности рыночных отношений, меркантилизма в политике города-государства — неправильно.

Исходя из этой общей концепции, М. Финли определяет и место города в жизни античного общества. Взаимоотношения между городом и деревней могли принимать различные формы: от симбиоза до паразитизма. Характер их зависел от ряда факторов: распределения населения, размеров продукции, производившейся в городе и деревне, пропорции, в которой они обменивались. Степень автаркичности города была связана с такими факторами, как рента, налоги, пошлины, экспорт продуктов города и его хоры, состояние сухопутного и водного транспорта. Росли города с хорошими гаванями, центры торговли с варварами, административные центры, города, которым не хватало собственной сельскохозяйственной продукции и они ввозили ее в обмен на ремесленную. Однако в целом ремесло мало способствовало росту городов, не имевших, в отличие от городов средневековья, ни гильдий, ни ремесленных цехов, ни бирж. Роль ремесленных мастерских была ничтожна и преувеличивать ее неправомерно. Античный город был центром потребления, а не производства. Возможности города платить за то, что он потреблял, зависели от величины сельскохозяйственной продукции его хоры, от наличия или отсутствия специальных ресурсов (в первую очередь серебра и других металлов), от доходов, приносимых земельной собственностью, от средств, доставляемых клиентами и подчиненными. Заметного влияния производство на экспорт, по мнению М. Финли, на городскую жизнь, в общем и целом, не оказывало. Античная социальная психология не допускала мысли об обогащении города путем организации мануфактур. Жажда богатства не превращалась в потребность создавать капитал. Не существовало предрассудков о полезности и возможности постоянного

⁹¹ Pearson, ук. соч., стр. 11.

⁹² Finley, The Ancient Economy... К сожалению, в советской литературе взгляды М. Финли (и других представителей этого направления) никогда специально не рассматривались. Единственным исключением является рецензия Е. М. Штаерман на данную книгу (ВДИ, 1977, № 2, стр. 165—175).

⁹³ См. также Starr, The Economic and Social..., стр. 16.

прогресса технологии благодаря систематическим научным и техническим исследованиям. Внимание обращалось почти исключительно на качественные, а не количественные показатели.

Не подлежит сомнению, что эта концепция более адекватно представляет характер античной экономики, чем господствовавшие еще недавно в западной литературе модернизаторские схемы. Нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что с помощью современных моделей невозможно познать экономику античного общества, также необходимо согласиться с ним, что искать меркантилизм в экономической политике античного государства — занятие совершенно неблагодарное, точно так же как видеть в античности борьбу за рынки сбыта и торговые войны и т. д.⁹⁴ Но вместе с тем в концепции М. Финли имеются и некоторые весьма уязвимые пункты. Во-первых, им остаются не объясненными самые основные причины застойности античной экономики, ссылка на социальную психологию сама нуждается в объяснении. Во-вторых, М. Финли практически элиминирует из своей картины экономической жизни античного общества ту систему фактов, которая приводилась выше при анализе развития экономики Греции архаической эпохи⁹⁵, и картину экономической жизни Афин, почерпнутую из комедий Аристофана.

М. Финли склонен полностью отрицать развитие товарно-денежных отношений в античном обществе. Чрезвычайно показательным его замечание, что ни один из античных авторов не упоминает ни одного города, который бы достиг благосостояния благодаря своей ремесленной продукции. Дело здесь не в фактической ошибке — можно, например, сослаться на свидетельство Страбона (XVI, 2, 23), говорящее о том, что Тир стал процветать благодаря своим красивым мастерским, или всю систему доказательств Ксенофонта в его трактате «О доходах»⁹⁶. Дело заключается в системе взглядов, которая начисто отменяет развитие товарности в хозяйстве, становление города как центра ремесленного производства и обмена. Нам представляется, что основой этой ошибки М. Финли является уподобление любого общества, в котором наблюдается развитие товарно-денежных отношений и существование рынка, капиталистическому обществу. Однако товарно-денежные отношения и рынок могут существовать и существуют и при других формациях. К. Маркс отмечал, что разделение труда (независимо от того, опосредствовано оно товарообменом или нет) свойственно самым различным общественно-экономическим формациям, капиталистический же способ производства начинается только с уровня разделения труда, свойственного мануфактуре⁹⁷. В. И. Ленин также указывал, что рынок является категорией товарного хозяйства вообще, спецификой же рыночных отношений при капитализме является их всеобщее распространение и полное господство⁹⁸. Для нас эти мысли важны в нескольких аспектах: как указание на наличие разделения труда и товарно-денежных отношений в различных докапиталистических формациях и как указание на то, что в период капитализма происходит качественный скачок, резко отличающий ситуацию в

⁹⁴ См. также G. E. M. de Ste Croix, *The Origins of the Peloponesian War*, L., 1972 (вообще и в применении к Пелопоннесской войне в частности).

⁹⁵ Невозможность приложения концепции М. Финли к исторической реальности архаической Греции неоднократно подчеркивает Ч. Дж. Стэпп (*The Economic and Social...*, *passim*).

⁹⁶ См. Э. Д. Фролов, Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах», «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», сб. памяти акад. А. И. Тюменева, М.—Л., 1963, стр. 204—221.

⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 372.

⁹⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 22.

эту эпоху от предшествующих, — именно в это время рыночные отношения достигают всеобщего распространения и полного господства. В докапиталистических формациях, следовательно, рыночные отношения не достигают этой стадии и наряду с ними действуют иные формы обмена и взаимодействия различных секторов экономики.

Исходя из этой мысли В. И. Ленина, мы и должны анализировать исследуемую нами проблему. Нам представляется, что подход к проблеме дихотомии полис—город будет продуктивным только тогда, когда мы твердо осознаем, что это именно дихотомия, что попытки решить ее только в рамках той или иной системы — невозможны. Подход М. Финли к этой проблеме односторонен, он анализирует ее только в рамках представления о полисе. Не зря М. Финли практически не анализирует свидетельства о развитии товарно-денежных отношений, о роли рынка. Он просто элиминирует их из своей картины. С другой стороны, рассматривать эту проблему только с точки зрения представления о городе, как особом общественном организме, средоточии промышленного производства и обмена, столь же неверно. Рассматривать свидетельства о рынке в Афинах, отвлекаясь от того, что это был рынок определенного полиса, где, например, ремесленники и торговцы, выступая на рынке как абсолютно равные партнеры в сделке, в остальных сферах жизни могли быть совершенно не равны и это неравенство определялось их сословным статусом, — столь же серьезная ошибка.

Нам представляется, что эта проблема может решаться только при постоянном учете этой специфики древнегреческого общества: практически одновременно с формированием полиса происходило формирование города.

Само возникновение полиса как социального организма (как это уже отмечалось выше) предполагает определенный уровень развития производительных сил, в том числе и ремесла. Победа демоса над землевладельческой аристократией (насколько мы знаем конкретно историю отдельных полисов) была бы невозможна без участия в этой борьбе наряду с крестьянами и ремесленников⁹⁹. В дальнейшем существование полиса как самодовлеющего, автаркичного организма естественно предполагает наличие развитого до определенной степени ремесла, способного удовлетворять потребности земледельцев как в орудиях труда, так и в оружии. Тем самым можно считать, что до определенного момента объективные тенденции общественного развития действовали таким образом, что порождали одновременно и город и полис. Однако в дальнейшем пути исторического развития расходятся. Развитие города как общественного организма, средоточия промышленного производства и обмена начинает деформировать полисную структуру. В этот момент полис и город начинают в значительной мере представлять две противоположные тенденции. Основные противоположности здесь следующие: город — это центр промышленного производства, полис же — объединение земледельцев и землевладельцев; город — это тенденция к развитию частной собственности; полис — это господство античной формы собственности, сочетающей в себе в диалектическом единстве частную и государственную собственность; город — это тенденция к динамике, полис же — это стремление к воспроизводству существующих отношений и условий и, тем самым, консервативная тенденция в развитии общества.

⁹⁹ G. G l o t z, La cité grecque, P., 1953, стр. 20, E h r e n b e r g, The Greek State..., стр. 17—21.

Возникший полис противится дальнейшему развитию ремесла¹⁰⁰. Не случайно в ряде греческих полисов встречаются меры законодательного порядка, ограничивающие права гражданства для людей, занятых ремесленным трудом, или даже полное запрещение гражданам заниматься ремесленным трудом¹⁰¹. Это была стихийная реакция коллектива земледельцев на развитие ремесла, разрушающего его целостность.

Процесс развития ремесла и обмена, приводивший к возникновению города в рамках полиса вызывал различную реакцию в различных полисах. Одна из типичных реакций — спартанская. Спарта полностью устраняла своих граждан от всякого труда, кроме военного¹⁰². Развитие ремесла, товарно-денежных отношений здесь стремились полностью выбросить за рамки собственно лакедемонского полиса, перенеся в среду зависимого от Спарты населения (перизакские полисы и территории, занятые илотами)¹⁰³. Именно существование этой более широкой системы позволяло спартанскому полису в течение долгого времени избегать влияния развития товарно-денежных отношений.

Другая возможность — Афины. Здесь мы видим стремление приспособить полисную структуру к достаточно высокому уровню развития ремесла и товарно-денежных отношений. Гражданам Афин, в принципе, в период расцвета афинской демократии не воспрещалось заниматься ремеслом и торговлей¹⁰⁴. В эту сферу деятельности были включены значительные слои афинского гражданства. Некоторые исследователи даже считают, что в период от 480 до 322 гг. до н. э. в Афинах вообще политический строй базировался на союзе между гражданами-моряками (составлявшими ядро военно-морских сил, основы мощи Афин) и большинством городского населения, т. е. ремесленниками и торговцами¹⁰⁵.

Мы не можем в данной работе сколько-нибудь подробно останавливаться на проблеме взаимодействия двух структур — полисной и городской — в рамках единого политического организма. Отметим только основные, с нашей точки зрения, моменты.

Прежде всего, необходимо указать на следующее обстоятельство¹⁰⁶: полис был первичной структурой и к тому же юридически оформленной,

¹⁰⁰ Карл Маркс прямо указывает, что развитие товарно-денежных отношений в древности непосредственно зависит от степени упадка «общинного уклада жизни» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 89).

¹⁰¹ Ehrenberg, *The Greek State...*, стр. 28; в отношении Спарты и Крита см. Will, *Le monde...*, стр. 632; можно привести и такой пример: когда в 403 г. до н. э. правление олигархов в Афинах было уничтожено, по предложению некоторых умеренных «консерваторов», стремившихся воспрепятствовать восстановлению демократии, был принят закон, по которому гражданские права сохранял только тот, кто являлся собственником участка земли. См. Volkestein, *Economic Life...*, стр. 17; A. H. J. Greenidge, *A Handbook of Greek Constitutional History*, L., 1920, стр. 212.

¹⁰² P. Cartledge, *Toward the Spartan Revolution*, *Arethusa*, v. VIII, 1975, № 1, стр. 68; Ehrenberg, *The Greek State...*, стр. 28; Will, *Le monde...*, стр. 443 сл.; Hammond, *The City...*, стр. 181.

¹⁰³ Об упадке спартанского ремесла после формирования спартанского полиса в его «классической» форме см. Oлива, *Sparta...*, стр. 133 сл.

¹⁰⁴ Свидетельством высокого общественного положения мастеров-керамистов в достаточно раннее время являются поставленные ими посвященные надписи на Акрополе. См. A. E. Raubitschek, *Dedications from Athenian Acropolis*, *Cambr. Mass.*, 1949, стр. 457, 465; French, *The Growth...*, стр. 44.

¹⁰⁵ Amit, *Athens...*, стр. 70. Может быть, это и преувеличение, но несомненно, что если до Перикла наиболее выдающиеся политические деятели Афин были выходцами из среды землевладельцев, то позднее — из среды владельцев ремесленных мастерских. См. W. R. Connor, *The New Politicians of Fifth Century Athens*, *Princeton*, 1974, стр. 153 сл.

¹⁰⁶ Этому обстоятельству придаст большое значение Э. Вилль (*La Grèce archaïque...*, стр. 59).

поэтому развитие городского организма происходило в рамках полисной системы. В силу этого, во-первых, полисные отношения накладывали чрезвычайно сильный отпечаток на характер формирующейся городской структуры, а, во-вторых, развитие города в рамках полиса на определенном этапе должно было приводить к деформациям самой полисной системы.

Рассмотрим эти вопросы именно в этой последовательности. Прежде всего — относительно влияния полисных отношений на процесс формирования города. В некоторых отношениях этот вопрос легче всего рассматривать на афинском материале. Отметим, прежде всего, что значительным было влияние следующего фактора: в афинском ремесле представлены три различных социальных статуса — граждане, метеки и рабы. Хотя на рынке они выступают как равноправные контрагенты, в других сферах жизни их статус совершенно различен и это неизбежно накладывает свой отпечаток на их позицию в отношении самого производства и обмена. Для самого бедного гражданина, например, участие в строительстве Эрехфейопа и плата, получаемая за эти работы, не представляла единственного источника существования. Полис в силу самой своей природы в той или иной степени поддерживал своих граждан (плата за выполнение общественных обязанностей и т. д.). Иное дело метек, который должен был целиком полагаться на собственные силы. Наконец, раб из своего достаточно скудного заработка должен был отдавать определенную часть хозяину. Мы видим, что социальный статус, связанный с существованием полисной структуры, оказывает определенное воздействие на отношение работника к производству.

Отметим также и другое обстоятельство. Отчасти само развитие ремесла и торговли в Афинах было порождено политическим фактором — в частности фактом существования Афинской архэ. Этот фактор столь значителен, что некоторые из исследователей даже считали, что только возникновение Союза дало решающий толчок к трансформации Афин из сельскохозяйственного полиса в торгово-ремесленный¹⁰⁷. Это, конечно, преувеличение, процесс перестройки начался раньше, но отрицать влияние этого фактора не приходится¹⁰⁸. Огромные средства, получаемые (в разных формах) от союзников, целенаправленно использовались на грандиозное строительство в Афинах, что давало возможность существовать значительному числу афинских граждан. Во-вторых, активное строительство кораблей, оснащение их, служба во флоте также обеспечивали существование значительному числу афинских граждан, порвавших с сельским хозяйством. Таким образом, здесь политический фактор сам отчасти выступал в роли инициатора торгово-ремесленного развития Афин. Однако сводить влияние архэ на развитие ремесла и товарно-денежных отношений только к этому было бы неправильно. Необходимо учитывать еще некоторые обстоятельства. Еще в античности было сделано наблюдение, очень верно отражающее тогдашнюю действительность, — изучение ремесла гражданином — это следствие бедности (об этом говорил и Аристофан (см. «Плутос», 534—535). Политика же Афинского полиса в период существования архэ в этом вопросе диктовалась следующим: преодолеть этот процесс посредством создания клерухий, в которых афинский гражданин-фет превращался в землевладельца-гоплита. По некоторым подсчетам в период между 450 и 440 гг. до н. э. переселилось за море 4 000 афинских граждан¹⁰⁹.

¹⁰⁷ F. J. Frost, *Tribal Politics and the Civic State*, AJAH, vol. I, № 2, 1976, стр. 66—75.

¹⁰⁸ Это осознавалось уже и древними (P s.-X e n., *Ath. pol.* II, 3—12).

¹⁰⁹ R. M e i g s, *The Athenian Empire*, Oxf., 1972, стр. 260.

Кроме того, развитие обмена нельзя сводить только к феномену рыночных отношений. Полис вмешивался и в эту сферу, особенно в момент затруднений со снабжением его продуктами питания. Здесь действовали чисто политические механизмы, что ограничивало сферу действия товарно-денежных отношений¹¹⁰.

Отметим далее еще и следующее обстоятельство. Полисная структура воздействовала на развитие товарно-денежных отношений замедляющим образом, приводя к постоянному изъятию из сферы обращения значительных денежных средств. Во-первых, поистине исчезающей была тяга гражданина к земле. Поэтому часто денежные средства, полученные в результате занятий ремеслом или торговлей, гражданин изымал для того, чтобы приобрести землю¹¹¹. Хотя земля давала значительно меньший доход, чем, например, торговля, однако этот доход был более верным, а кроме того, социальный престиж был невыносим без участка земли.

Во-вторых, полис постоянно посредством литургий, чрезвычайных налогов и тому подобным образом изымал денежные средства у богатых граждан и метеков для траты их в непродуцирующей сфере.

Влияние полисной структуры на развитие товарно-денежных отношений сказывалось и в ряде других областей экономической деятельности. Как известно, большинство афинских трапедзитов не были гражданами Афин¹¹². Л. М. Глускина показала, как полисный принцип исключительности мешал развитию экономики торговли и товарно-денежных отношений¹¹³. Ограничение деятельности не-граждан в области кредитно-денежных отношений невозможностью для них одалживать под залог недвижимого имущества — практическое выражение этих полисных принципов.

Близкая ситуация наблюдалась и в сфере горного дела (в частности на Лаврионских рудниках). Не-граждане не имели права заниматься разработкой рудников¹¹⁴. Монополия граждан на эту выгодную область предпринимательской деятельности также служила фактором, сдерживающим развитие товарно-денежных отношений.

Рассмотрим теперь влияние феномена города на полис (т. е. его роль в деформации полисной структуры). Прежде всего само развитие ремесла (за очень узкие рамки, возможные в «идеальном полисе») способствовало разложению полисного коллектива. Оно вырывало часть граждан из сельскохозяйственной сферы, нарушая гомогенность гражданского коллектива. В античности широко бытовали представления о том, что занятие ремеслом — постыдное занятие, что изучение ремесла — это следствие бедности¹¹⁵. Подобные представления являются симптомом нарушения единства гражданского коллектива в очень важной сфере — сфере социально-психологической.

Однако более важны другие признаки. Развитие товарно-денежных отношений, роль рынка, ориентация торговцев и ремесленников в их деятельности на рынок с его ведущим стимулом — прибылью — резко меняло систему ценностей, разрушало традиционные ценности полисной идеологии. Совершенно не случайно то обстоятельство, что в античности

¹¹⁰ См., например, *Arist., Ath. pol.* 51 — о регулировании цен на зерно в Афинах.

¹¹¹ *Hammond, The City...*, стр. 181.

¹¹² *M. Clerc, Les métèques athéniens*, P., 1893, стр. 143, 155 сл.; *Bolkestein, Economic Life...*, стр. 133; *Vogart, Banques et banquiers...*, стр. 62; *Глускина, Проблемы...*, стр. 73—74.

¹¹³ *Глускина, Проблемы...*, стр. 100.

¹¹⁴ Там же, стр. 168.

¹¹⁵ *Herod., II*, 167; *Plut., Lyc.* 24; *Polien., II*, 1, 7; *Xen., Oeconom.* IV, 2, 3; VI, 5, 6; *Dem., LVII*, 30.

в роли причины нарушения «нравов предков» постоянно выступало корыстолюбие¹¹⁶.

Развитие ремесла и торговли приводило к тому, что часть гражданского коллектива, оторвавшись (в той или иной степени) от земли, жила главным образом своими чисто городскими заботами. Неизбежно в составе народного собрания должны были создаваться определенные группы со своими локальными интересами, нарушающие гомогенность гражданского коллектива. Конечно, это нельзя воспринимать как распадение его на враждующие фракции, но трещины, раскалывавшие гражданский коллектив, тем не менее достаточно ясны. Важно было и то, что граждане-горожане в силу самой специфики полисной политической системы с ее «прямой демократией», в принципе, могли оказывать большее влияние на ход народных собраний. Очень характерно то, как оценивает афинское народное собрание Сократ, для которого оно состоит почти целиком из ремесленников и торговцев¹¹⁷. Во всяком случае, наличие определенных противоречий между крестьянством Аттики и гражданами-горожанами ни у кого не вызывает сомнений.

Необходимо иметь в виду и другие аспекты. К. Маркс замечал по этому поводу: «Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации; она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и ремесленники; так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы. Повсюду, где существует рабство, вольноотпущенники стремятся обеспечить свое существование такими занятиями, в результате которых они затем часто накапливают большие богатства: таким образом эти промыслы были в древнем мире чаще всего в их руках и потому считались не подобающими для граждан»¹¹⁸.

Не подлежит сомнению, что очень большую роль в ремесле, торговле, кредите играли, например, в Афинах — не афинские граждане, а метеки и иностранцы¹¹⁹. Некоторые из наиболее пропитательных греческих мыслителей достаточно отчетливо сознавали опасность этого. Так, в частности, Платон в «Законах», разрешая заниматься профессиями, приносящими чистый доход, только иностранцам-метекам, прекрасно понимал опасность того, что основные финансовые средства полиса могут оказаться в их руках. Именно поэтому он ограничивает время пребывания их в городе 20 годами¹²⁰.

Этот процесс имел самое серьезное влияние на саму судьбу полиса. Согласно существующим ныне представлениям, сам кризис афинского полиса в IV в. до н. э. порождается именно теми явлениями, которые мы определяем как развитие городской структуры в рамках полисной: Я. Печирка сущность кризиса полиса определяет следующим образом: конфликт между традиционной структурой полиса и его экономическим развитием, переросшим рамки полиса¹²¹. С его точки зрения, важнейшим признаком этого явления служит то, что в IV в. до н. э. в рамках полиса развивается и приобретает большое значение новая форма собственности. Это явление отмечали еще древние. Уже Аристотель указывал на различие между ойкономикой и хрематистикой (Polit. 1256b 40—1257a 1). Старая традиционная форма собственности (то, что мы называем античной формой собственности), во-первых, была непосредственным образом свя-

¹¹⁶ Mossé, La fin..., стр. 151 сл.

¹¹⁷ Xen., Mem. III, 7, 6. Об этом месте см. Mossé, La fin..., стр. 69.

¹¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 468 (цитата из Нибура).

¹¹⁹ Amit, Athens and the Sea..., стр. 18; Mossé, La fin..., стр. 69—70; E h r e n b e r g, The Greek State..., стр. 90; Г л у с к и н а, Проблемы..., стр. 73—74.

¹²⁰ Pierart, Platon et la cité..., стр. 467.

¹²¹ Pečirka, The Crisis...

зана со статусом гражданина, во-вторых, это была прежде всего земельная собственность. Новая же форма собственности (с ней связано столь широко распространенное в это время понятие о «невидимом богатстве») более близка полной частной собственности. Она никак не связана со статусом гражданина и представляет собой в первую очередь собственность на деньги и рабов¹²².

Эта новая форма собственности сосредоточивалась чаще всего в руках той части населения, которая не входила в состав гражданского коллектива. Тем самым создавалось определенное противоречие: экономически важные слои населения противопоставлялись политической структуре, две структуры (экономическая и политическая) начинали противопоставляться одна другой, что служило основной причиной кризиса полиса.

Можно отметить и другие обстоятельства, хотя и не столь важные, но действовавшие в том же самом направлении. В IV в. до н. э. наблюдается постепенное проникновение метеков в сферу полисного землевладения. Хотя некоторые исследователи¹²³ считают, что метеки не стремились к обладанию землей, поскольку основная сфера их деятельности — ремесло и торговля, все же не подлежит сомнению, что право на земельную собственность в Аттике было весьма привлекательно для них. Доказательством служит тот факт, что Афины дарование этого права рассматривали как награду. В IV в. до н. э. некоторым наиболее богатым метекам (за заслуги перед афинским полисом) было предоставлено право владения землей¹²⁴. Некоторые из исследователей¹²⁵ видят в этом один из наиболее ярких симптомов кризиса полиса. Для нас же здесь важно следующее — конечная причина этого явления — результат развития ремесла и торговли в Афинах.

Кроме того, начинала развиваться не только экономическая, но и политическая противоположность между городом и деревней. Деревня оставалась заселенной, главным образом, гражданством, в городе же все большую роль начинали играть элементы, не включенные в гражданский коллектив и занимающиеся ремеслом и торговлей¹²⁶. Подобные примеры можно умножить, но и без того достаточно ясна общая тенденция: в древнегреческом обществе, особенно в IV в. до н. э., существовали глубокие внутренние противоречия. Одним из важнейших было противоречие между двумя социальными структурами: городом и полисом. Город — это олицетворение развития производства (в первую очередь ремесленного производства) и товарно-денежных отношений — вступал в конфликт с полисом, как социальным организмом, основанным на общинных началах и допускающим только ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений. Проявлялось же это в том, что в рамках единого политического организма боролись эти две тенденции, представлявшие две структуры.

¹²² Л. Жерне называет ее «собственностью в чисто экономическом смысле» (L. Germet, *Anthropologie de la Grèce ancienne*, P., 1968, стр. 411).

¹²³ D. Whitehead, *The Ideology of the Athenian metec*, Camb., 1977.

¹²⁴ Г л у с к и н а, Проблемы..., стр. 19—43.

¹²⁵ P e ř i r k a, *The Crisis...*

¹²⁶ E h r e n b e r g, *The Greek State...*, стр. 28; Г л у с к и н а, Проблемы..., стр. 40—70. Отметим, что некоторые исследователи указывают как на один из самых ярких симптомов перерождения полисной структуры на тот факт, что в Афинах эллинистического времени происходит сращивание богатого гражданства и богатых метеков, объединяемых как общими экономическими, так и общими социальными интересами. См. R. A. Padgug, *Classes and Society in Classical Greece*, «Arethusa», VIII, № 1, стр. 108; M o s s e, *Athenes...*, стр. 115 слл.